

Чтение 1. Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника»

03 ФЕВРАЛЯ 2010

ПУТЕШЕСТВИЕ С КАРАМЗИНЫМ

17 мая 1789 года из Твери через Петербург, Нарву, Дерпт, Ригу выехал в дальнейшее путешествие по Европе 23-летний русский писатель Николай Карамзин. Посетив Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию и Англию, он вернулся на родину в сентябре 1790 года. В пути он вёл записи увиденного, услышанного, фиксировал свои впечатления, размышления, разговоры с писателями и философами, делал зарисовки беспрестанно менявшихся ландшафтов. Вскоре в «Московском журнале», который Карамзин начал издавать в 1791 году, были опубликованы его «Письма русского путешественника», первое крупное произведение, написанные под впечатлением этого большого путешествия. «Письма» печатались 2 года, вызвав широкий читательский интерес, принеся автору известность и уважение.

О Западе русские люди знали мало. Запад о России знал и того меньше. Приезжавшие иностранцы увозили тощую и чаще всего искажённую информацию. Ездившие за границу русские люди не делились своими впечатлениями. Карамзин знал это и считал своим долгом преодолеть это взаимное незнание. Он писал: «Наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто не делал этого с пером в руке». «Письма русского путешественника» открыли Запад широкому русскому читателю и познакомили Европу с Россией.

«Письма» предстали как исповедальный дневник русского человека, попавшего в огромный и во многом незнакомый ему мир духовной и общественной жизни европейских стран, в круговорот европейских событий.

Отправляясь в путешествие, Карамзин сравнивал себя с Дон Кихотом и называл «рыцарем весёлого образа». Потому что в отличие от ламанчского рыцаря, он был молод, здоров и весел. И у него тоже была своя Дульсинея, которая звалась Верой в человека, в его доброе сердце и высокий разум.

«Письма русского путешественника», без преувеличения, могут быть названы энциклопедией европейской жизни. Карамзин открыл русскому читателю много интересных и объективных сведений и фактов, он информировал, просвещал, воспитывал.

Итак, мы отправляемся в путешествие...

Рига, 31 мая 1789

«Вчера, любезнейшие друзья мои, приехал я в Ригу ... Дорога меня измучила. Внутренне проклинал я то беспокойство сердца человеческого, которое влечет нас от предмета к предмету, от верных удовольствий к неверным, как скоро первые уже не новы, — которое настраивает к мечтам наше воображение и заставляет нас искать радостей в неизвестности будущего! Есть всему предел; волна, ударившись о берег, назад возвращается или, поднявшись высоко, опять вниз упадает — и в самый тот миг, как сердце мое стало полно, явился хорошо одетый мальчик, лет тринадцати, и с милою, сердечною улыбкою сказал мне по-немецки: "У вас изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте к нам — вот наш дом — батюшка и матушка приказали вас просить к себе". — "Благодарю вас, государь мой! Только мне нельзя отойти от своей кибитки; к тому же я одет слишком по-дорожному и весь мокр". — "К кибитке приставим мы человека; а на платье дорожных кто смотрит? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!" ... Мы взяли за руки и побежали бегом в большой каменный дом, где в зале первого, этажа нашел я многочисленную семью, сидящую вокруг стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли так ласково, потчевали так сердечно, что я забыл все свое горе... Я пробыл у них около часа. Между тем привезли ось, и все было готово. "Нет, еще постоит!" — сказали мне, и хозяйка принесла на блюде три хлеба. "Наш хлеб, говорят, хорош: возьмите его". — "Бог с вами! — примолвил хозяин, пожав мою руку, — бог с вами!" Я сквозь слезы благодарил его и желал, чтобы он и впредь своим

гостеприимством утешал печальных странников, расставшихся с милыми друзьями. — Гостеприимство, священная добродетель, обыкновенная во дни юности рода человеческого и столь редкая во дни наши!»

Молодому путешественнику интересно всё: как живут люди в другой стране, что едят, во что одеваются, чем заполнен их быт и досуг.

Паланга, 3/14 июня 1789

«Наконец, проехав Курляндию более двухсот верст, въехали мы в польские границы и остановились ночевать в богатой корчме. В день переезда обыкновенно десять миль, или верст семьдесят. В корчмах находили мы по сие время что пить и есть: суп, жареное с салатом, яйца; и за это платили не более как копеек по двадцати с человека. Есть везде кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. ... Впрочем, дорога не скучна: везде видишь плодоносную землю, луга, рожи; там и сям маленькие деревеньки или врозь рассеянные крестьянские домики».

Берлин, июля 7

«В похвалу берлинских граждан говорят, что они трудолюбивы и что самые богатые и знатные люди не расточают денег на суетную роскошь и соблюдают строгую экономию в столе, платье, экипаже и проч. Я видел старика Ф, едущего верхом на такой лошади, на которой бы, может быть, и я постыдился ехать по городу, и в таком кафтане, который шит, конечно, в первой половине текущего столетия. Нынешний король живет пышнее своего предшественника; однако ж окружающие его держатся по большей части старины. — В публичных собраниях бывает много хорошо одетых молодых людей; в уборе дам виден вкус».*

Европейские впечатления «Писем» очерчивают нам круг лиц, которых посещал Карамзин: Гердер, Виланд, Лафатер, Бонне, Бартелеми, Кант – таков далеко не полный перечень европейских знаменитостей, упомянутых в «Письмах». Все эти встречи – совершенно реальны.

Кенигсберг, июня 19, 1789

«Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика. Я не имел к нему писем, но смелость города берет, — и мне отворились двери в кабинет его. Меня встретил маленький, худенький старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: "Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту". Он тотчас попросил меня сесть, говоря: "Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости". С полчаса говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель...»

Июля 5

«Ныне был я у старика Рамлера, немецкого Горация. Самый почтенный немец! "Ваши сочинения, — сказал я ему, — почитаются у нас классическими". Ему приятно было слышать, что и в России читают его стихи и знают их цену».

Июля 21

«Гердер невысокого роста, посредственной толщины и лицом очень не бел. Лоб и глаза его показывают необыкновенный ум (но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня каким-нибудь физиогномическим колдуном). Вид его важен и привлекателен; в мине его нет ничего принужденного, ничего такого, что бы показывало желание казаться чем-нибудь. Он говорит тихо и внятно; дает вес словам своим, но не излишний. Едва ли по разговору его можно подозревать в Гердере скромного любимца муз; но великий ученый и глубокомысленный метафизик скрыт в нем весьма искусно.

Приятно, милые друзья мои, видеть наконец того человека, который был нам прежде столько известен и дорог по своим сочинениям; которого мы так часто себе воображали или вообразить старались. Теперь, мне кажется, я еще с большим удовольствием буду читать произведения Гердера ума, вспоминая вид и голос автора.

Я более и более удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что он часа свободного не имеет, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдет нищий, придет печальный, требующий утешения, или путешественник, не требующий ничего, но отвлекающий его от дела. Сверх того, посещает он больных, не только живущих в его приходе, но и других.

"Где вы берете столько сил и столько терпения?" — сказал я Лафатеру, удивляясь его деятельности. — "Друг мой! — отвечал он с улыбкою. — Человек может делать много, если захочет, и чем более он действует, тем более находит в себе силы и охоты к действию".

Путешественник часто вспоминает о тех, кого оставил у себя на родине, и мыслями возвращается к своим друзьям.

«Я вас люблю так же, друзья мои, как и прежде; но разлука не так уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествием. Иногда, думая о вас, вздохну; но легкий ветерок струит воду, не возмущая светлости ее. Таково, сердце человеческое; в сию минуту благодарю судьбу за то, что оно таково. — Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мне не беспокойтесь! В Берлине надеюсь получить от вас письмо».

Как в калейдоскопе менялись картины перед путешественником. Каждый день — новые встречи, новые ландшафты, новые впечатления и размышления. Круг его интересов богат, он находит время для всего, в том числе и для посещения театров и концертов.

Берлин, 30 июня 1789

«Вчера приехал я в Берлин, друзья мои... Иду в театр.

В 10 часов ночи. Давно уже не был я так приятно растроган, как ныне в театре. Представляли драму «Ненависть к людям и раскаяние», сочиненную господином Коцебу, ревельским жителем... Последняя сцена в пьесе несравненна. — Господин Флек играет роль мужа с таким чувством, что каждое слово его доходит до сердца. По крайней мере я еще не видывал такого актера. В нем соединены великие природные дарования с великим искусством... у немцев не было бы таких актеров, если бы не было у них Лессинга, Гете, Шиллера и других драматических авторов, которые с такою живостию представляют в драмах своих человека каков он есть, отвергая все излишние украшения, или французские румяна, которые человеку с естественным вкусом не могут быть приятны. Читая Шекспира, читая лучшие немецкие драмы, я живо воображаю себе, как надобно играть актеру и как что произнести; но при чтении французских трагедий редко могу представить себе, как можно в них играть актеру хорошо или так, чтобы меня тронуть... Поверите ли, друзья мои, что нынешний вечер причисляю я к счастливейшим вечерам моей жизни? И пусть теперь доказывают мне, что изящные искусства не имеют влияния на счастье наше! Нет, я буду всегда благословлять их действие, пока сердце будет биться в груди моей — пока будет оно чувствительно!»

Путешествуя, наш герой заглядывает в кабачки, беседует с завсегдатаями, знакомится с купцами, офицерами, учёными, писателями, внимательно изучает жизнь крестьян и горожан, стремясь понять их характер, их жизнь, что определяет их благополучие или наоборот, прозябание.

Берлин, июля 8

«Если бы из народной брани можно было заключать о народном характере, то бы из schwer Noth, любимого немецкого слова, путешественник заключил, что в немцах много желчи; но что бы тогда должно было заключить из любимой брани нашего народа?.. Справедливо говорят,

что путешественнику надобно всегда останавливаться в первых трактирах, не только для лучшей услуги, но и для самой экономии. Там есть всему определенная цена, и лишнего ни с кого не потребуют; а в худых трактирах стараются взять с вас как можно более, если примелят, что в кошельке вашем есть золото».

Франкфурт, 29 июля

«В одном трактире со мною живет молодой доктор медицины, который вчера пришел ко мне пить чай и просидел у меня весь вечер. По его мнению, все зло в мире происходит оттого, что люди не берегут своего желудка. "Испорченный желудок, — сказал он, — бывает источником не только всех болезней, но и всех пороков, всех дурных навыков, всех злых дел. Отчего моралисты так мало исправляют людей? Оттого, что они считают их здоровыми и говорят с ними как со здоровыми, тогда как они больны и когда бы, вместо всех словесных убеждений, надлежало им дать несколько приемов очистительного. Беспорядок душевный бывает всегда следствием телесного беспорядка. Когда в машине нашей находится все в совершенном равновесии, когда все сосуды действуют и отделяют исправно разные жидкости, одним словом, когда всякая часть отправляет ту должность, которую поручила ей натура, тогда и душа бывает здорова; тогда человек рассуждает и действует хорошо; тогда бывает он мудр, и добродетелен, и весел, и счастлив.

Отчего в златом веке были люди и добры и счастливы? Конечно, оттого, что они, питаясь только растениями и молоком, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконец скажу вам, что если бы я был государем, то велел бы всех преступников вместо наказания отсылать в больницы и лечить до того, пока они сделались бы добрыми людьми и полезными гражданами. Со временем предложу публике свои мнения и доказательства, которые, может быть, сделают революцию в философии. Тогда вспомните, государь мой, что вы от меня слышали". — Я удивлялся логике господина доктора».

Июля 30

«По своей цветущей и обширной коммерции Франкфурт есть один из богатейших городов в Германии. Кроме некоторых дворянских фамилий, здесь поселившихся, всякий житель — купец, то есть производит какой-нибудь торг. На всякой улице множество лавок, наполненных товарами. Везде знаки трудолюбия, промышленности, изобилия. Ни один нищий не подходил ко мне на улице просить милостыни».

Бесконечно богат круг интересов Русского Путешественника — он посещает лекции знаменитых профессоров Лейпцигского университета и участвует в народных уличных гуляниях, целые дни проводит в Дрезденской галерее, рассматривая картины великих европейских художников.

Дрезден, 12 июля

«... Тут вдруг открылся мне Дрезден на большой долине, по которой течет кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной стороне реки, и величественный город, и обширная плодородная долина составляют великолепный вид. — С приятными чувствами въехал я в Дрезден, и при первом взгляде показался он мне огромнее самого Берлина.

Господин П хотел, чтобы я у него обедал. ... Обед был самый умеренный, однако ж и не голодный. ... От них пошел я в славную картинную галерею, которая почитается одною из первых в Европе. Я был там три часа, но на многие картины не успел и глаз оборотить; не три часа, а несколько месяцев надобно, чтобы хорошенько осмотреть сию галерею. Я рассматривал со вниманием Рафаэлеву Марию (которая держит наруках младенца и перед которою стоят на коленях св. Сикстус и Варвара); Корреджиеву "Ночь", о которой столько писано и говорено было и в которой наиболее удивляются смеси света с тьмою; Микель-Анджелову картину, представляющую осужденного на смерть человека и вдали город; картины Юлия Романа: Пана, который учит на флейте молодого пастуха; играющую Цецилию, окруженную святыми, и проч...*

После картинной галереи и зеленой кладовой третья примечания достойная вещь в Дрездене есть библиотека».

Июля 16, в 2 часа пополудни

«Говорят, что в Лейпциге жить весело, — и я верю. Некоторые из здешних богатых купцов часто дают обеды, ужины, балы... Сверх того, здесь есть особливые ученые общества, или клубы; там говорят об ученых или политических новостях, судят книги... Здесь есть и театр... К тому же во всяком немецком городе есть публичные библиотеки, из которых можно брать для чтения всякие книги, платя за то безделку. — Книгопродавцы из всей Германии съезжаются в Лейпциг на ярманки (которых бывает здесь три в год; одна начинается с первого января, другая — с пасхи, а третья — с Михайлова дня) и меняются между собою новыми книгами».

Будучи в Швейцарии, путешественник посещает места, связанные с великим Вольтером.

«Кто, будучи в Женевской республике, не почтет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?»

Я ходил туда пешком с одним молодым немцем. Бывший Вольтеров замок построен на возвышенном месте, в некотором расстоянии от деревни Ферней, откуда идет к нему прекрасная аллея. Перед домом, на левой стороне, увидели мы маленькую церковь с надписью: "Вольтер — богу". ... Друзья мои! Должно признаться, что никто из авторов осьмого-надесять века не действовал так сильно на своих современников, как Вольтер... Вольтер писал для читателей всякого рода, для ученых и неученых; все понимали его, и все пленялись им. Никто не умел столь искусно показывать смешного во всех вещах, и никакая философия не могла устоять против Вольтеровой иронии... Имя Вольтерово твердят все жители Фернея. Там, сев под ветвями каштанового дерева, прочитал я с чувством сие место в Лагарповом похвальном слове:

"Подданные, лишенные отца и господина своего, и дети их, наследники его благодеяний, скажут страннику, который уклонится от пути своего, чтобы видеть Ферней: "Вот дома, им построенные, — убежище, которое дал он полезным искусствам, — поля, которые обогатил он плодами. Сие многолюдное и цветущее селение родилось под его смотрением, родилось среди пустыни. Вот рощи, дороги и тропинки, где мы столь часто его видали... В сем месте видели мы его в последний раз... " — и внимающий странник, который при чтении "Заиры" не мог удержать слез своих, пролетит, может быть, еще приятнейшие в память благотворителя".»

Русский Путешественник не только наблюдает и записывает подробности увиденного и услышанного, — он обобщает, высказывает своё мнение, делится с читателем своими мыслями.

Стразбург, августа 6

«Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения. Все прочие животные, будучи привязаны к некоторым климатам, не могут выйти из пределов, начертанных им натурою, и умирают, где рождаются; но человек, силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат — ищет везде наслаждений и находит их — везде бывает любимым гостем природы, повсюду отвергающей для него новые источники удовольствия, везде радуется бытием своим и благословляет свое человечество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобства жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные; по которой жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности и призывают меня участвовать в своих забавах, в своих весельях...

Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!»

Побывав в Швейцарии, Путешественник любуется её природой, а также говорит и о её конституционном строе, подчёркивая, что именно конституционный строй Швейцарии и Англии является основой благополучия наций.

Базель

«Итак, я уже в Швейцарии, в стране живописной природы, в земле свободы и благополучия! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее: дыхание мое стало легче и свободнее, стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве.

Хотя в Базеле народ не имеет законодательной власти и не может сам избирать начальников, однако же правление сего кантона можно назвать отчасти демократическим, потому что каждому гражданину открыт путь ко всем достоинствам в республике и люди самого низкого состояния бывают членами большого и малого совета, которые дают законы, объявляют войну, заключают мир, налагают подати и сами избирают членов своих. — Хлебники, сапожники, портные играют часто важнейшие роли в базельской республике.

Во всех жителях видна здесь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсем приятна. В лице, в походке и во всех ухватках имеют они много характерного. — В домах граждан и в трактирах соблюдается отменная чистота, которую путешественники называют вообще швейцарскою добродетелию. — Только женщины здесь отменно дурны; по крайней мере я не видал ни одной хорошей, ни одной изрядной».

Цюрих

«Может быть, ни в каком другом европейском городе не найдете вы, друзья мои, таких неиспорченных нравов и такого благочестия, как в Цюрихе. Здесь-то еще строго наблюдаются законы супружеской верности — и жена, которая осмелилась бы явно нарушить их, сделалась бы предметом общего презрения. Здесь мать почитает воспитание детей главным своим упражнением, а как и самые богатые из цюрихских жителей не держат более одной служанки, то всякая хозяйка находит для себя много дела в домашней жизни, не угнетается праздностью, матерью многих пороков, и редко ходит в гости. Театр, балы, маскарады, клубы, великолепные обеды и ужины! Вы здесь неизвестны. Иногда сходятся две, три, четыре приятельницы — разговаривают дружески — вместе работают или читают Геснера, Клопштока, Томсона и других писателей и поэтов, которые не приводят целомудрия в краску. Редко бывают они вместе с посторонними мужчинами, а при чужестранцах стыдятся говорить, думая, что цюрихский выговор противен их ушам. Все они одеваются просто, не думая о французских модах, и совсем не употребляют румян. — Мужчины отправляют поутру дела свои: купец идет в контору или в лавку, ученый садится читать или писать, художник берется за свою работу, и так далее. В полдень обедают, а вечером прогуливаются или в приятельских беседах курят табак, пьют чай и кофе — купцы говорят о торговых, ученые об ученых делах, и таким образом проводят время. Не знаю, продаются ли в Цюрихе карты; по крайней мере в них здесь никогда не играют и не знают сего прекрасного средства убивать время (простите мне этот галлицизм), средства, которое в других землях сделалось почти необходимым.

Мудрые цюрихские законодатели знали, что роскошь бывает гробом вольности и добрых нравов, и постарались заградить ей вход в свою республику. Мужчины не могут здесь носить ни шелкового, ни бархатного платья, а женщины — ни бриллиантов, ни кружев; и даже в самую холодную зиму никто не смеет надеть шубы, для того что меха здесь очень дороги. В городе запрещено ездить в каретах, и потому здоровые ноги здесь гораздо более уважаются, нежели в других местах. Во внутренности домов не увидите вы никаких богатых уборов — все просто и

хорошо. Хотя чужестранные вина сюда привозятся, однако ж их позволено употреблять не иначе как в лекарство. Только думаю, что сей закон не очень строго соблюдается. Например, у Лафатера за столом пили мы малагу; но он взял ее, может быть, из аптеки, по предписанию своего доктора Г.*

Я слышал прежде, будто в Швейцарии жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда и что здесь все гораздо дороже, нежели в Германии, например хлеб, мясо, дрова, платье, обувь и прочие необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство швейцарцев. Где богаты люди, там дешевы деньги; где дешевы деньги, там дороги вещи. Обед в трактире стоит здесь восемь гривен; то же самое платил я в Базеле и в Шафгаузене. Правда, что в швейцарских трактирах никогда не подают на стол менее семи или восьми хорошо приготовленных блюд и потом десерт на четырех или на пяти тарелках».

Брук

«Проезжая через одну деревню, увидели мы великое стечение народа, велели кучеру остановиться, вышли из кареты и втерлись в толпу. Тут вязали одного молодого человека, который со слезами просил, чтобы его освободили. "Что такое он сделал?" — спросили мы. — "Он украл, украл два талера в лавке, — отвечали нам вдруг человека четыре, — у нас никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедший из Германии; его надобно наказать". — "Однако ж он плачет, — сказал я, — добродушные швейцары! Пустите его!" — "Нет, его надобно наказать, чтобы он перестал красть", — отвечали мне. — "По крайней мере, добродушные швейцары, накажите его так, как отцы наказывают детей своих за их проступки", — сказал я и пошел к своей карете. — Может быть, ни в какой земле, друзья мои, не бывает так мало преступлений, как в Швейцарии, а особливо воровства, которое считается здесь за великое злодеяние. О разбоях и убийствах совсем не слышно; мир и тишина царствуют в счастливой Гельвеции.»

Русский путешественник Карамзина — очень эмоционален, его многое радует, вызывает симпатии, что-то пугает, настораживает, что-то приводит в восторг.

В карете, дорогою

«Уже я наслаждаюсь Швейцариею, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце мое и развеивает в нем чувство радости. Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю. Счастливые швейцары! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служба одному богу?»

Мы едем подле Рейна, с ужасным шумом и волнением стремящегося между тихих лугов и садов виноградных. Тут мальчики и маленькие девочки играют, рвут цветы и бросают ими друг в друга; там покойный селянин, насвистывая веселую песню, поправляет в саду своем сошки, увитые гибким виноградным стеблем, — смотрит на проезжих и ласковым мановением желает им доброго дня. — Высокие горы у нас перед глазами; но Альпы скрываются еще в лазури отдаления. Юра изгибает за нами хребет свой, отбрасывающий синюю тень на долины... Нет, я не могу писать; красоты, меня окружающие, отвлекают глаза мои от бумаги.»

Долина Гасли

«Сильный шум прервал нить моих размышлений. «Что это значит?» — спросил я у проводника моего, остановясь и слушая. — «Мы приближаемся к Рейхенбаху, — отвечал он, — славнейшему альпийскому водопаду»... Отдаленный шум обещал мне нечто величественное; воображение мое стремилось к причине его, но тут вдруг открылось мне другое великолепие, которое заставило меня на время забыть Рейхенбах. Чтобы посмотреть на него вблизи, я должен был, невзирая на свою усталость, взойти опять на высокий пригорок и спуститься с

него, но только уже не по камням, а по зеленой траве, увлажненной водяною пылью, летящею от каскада. Еще шагов за пятьдесят от падения облака сей пыли меня почти совсем ослепили. Однако ж я подошел к самому кипящему водоему, или той яростию воды ископанной яме, в которую Рейхенбах падает с высоты своей с ужасным шумом, ревом, громом, срывая превеликие камни и целые деревья, им на пути встречаемые. Трудно представить себе ту ужасную быстроту, с которою волна за волною несется в неизмеримую глубину сего водоема и опять вверх подымается, будучи отвержена его вечно кипящею пучиною и распространяя вокруг себя белые облака влажного дыму! Тщетно воображение мое ищет сравнения, подобия, образа!.. Рейн и Рейхенбах, великолепные явления, величественные чудеса природы! В молчании удивляться будет вам всякий, имеющий чувство; но кто может изобразить вас кистью или словами? — Я почти совсем чувств лишился, будучи оглушен гремящим громом падения, и упал на землю».

Многие современники Карамзина отмечали: в прозе писателя много движения и музыкальной певучести.

Вот, к примеру, отрывок «Отечество моё», который придаёт повествованию особенно возвышенный тон:

Цирих

«Пришедши в свою комнату, почувствовал я великую грусть и, чтобы не дать ей усилиться в моем сердце, сел писать к вам, любезные, милые друзья мои! Для того чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать; чтобы узнать всю любовь нашу к друзьям, надобно с ними расстаться.

Какая приятная, тихая мелодия нежно потрясает нервы моего слуха! Я слышу пение; оно несется из окон соседнего дома. Это голос юноши — и вот слова песни:

"Отечество мое! Любовью к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоей готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном.

Отечество мое! Ты все в себе вмещаешь, чем смертный может наслаждаться в невинности своей. В тебе прекрасен вид природы; в тебе целителен и ясен воздух; в тебе земные блага рекою полною лиются.

Отечество мое! Любовью к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоей готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном.

Мы все живем в союзе братском; друг друга любим, не боимся и чтим того, кто добр и мудр. Не знаем роскоши, которая свободных в рабов, в тиранов превращает. На что нам блеск искусств, когда природа здесь сияет во всей своей красе — когда мы из груди ее пием блаженство и восторг?

Отечество мое! Любовью к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоей готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном".»

На этом мы остановимся и продолжим дальше наше виртуальное путешествие в следующей передаче. Наш Путешественник посетит Францию и Англию.